ИНТЕРВЬЮ 25.11.2016

«Сирии угрожает сценарий Сомали»

Лахдар Брахими, бывший Специальный посланник ООН по Сирии, жестко критикует и Асада, и оппозицию, а также обращается с призывом к Вашингтон

Можно ли сравнить войну в Сирии с каким-либо иным конфликтом, очевидцем которого вы были в течение своей дипломатической карьеры?

В подобных конфликтах всегда есть сходство в некоторых моментах. Конечно же, положение в Сирии сложное, но оно усугубляется неумелыми действиями почти всех участников противостояния. И все же конфликт в Сирии может быть решен, если, наконец, будет сделано то, что необходимо.

А что именно?

Длительное время воюющие стороны были убеждены в возможности достичь желаемого военным путем. Противники правительства в Сирии и в эмиграции вначале даже были уверены в том, что падение Асада – вопрос месяцев или дней. В такой обстановке было трудно найти партнеров по политическому решению. Теперь стало ясно, что война не может быть выиграна одной из сторон, однако никто не борется за политическое решение!

На региональном и международном уровне?

Русские и американцы поставляют оружие и осуществляют бомбардировки. Страны этого региона поддерживают соответственно своих союзников, а больше ничего не происходит, за исключением Организации Объединенных Наций.

Прусский военный теоретик Карл фон Клаузевиц однажды назвал войну продолжением политики. Не придерживается ли режим Асада противоположной стратегии: переговоры о политическом решении как способ делать свое дело?

Все стороны, свободно толкуя Клаузевица, попытались достичь своих политических целей военными средствами. Сделать это не удалось никому. И все же они продолжают делать ставку на победу на поле сражения и одновременно раздают заверения в приверженности политическому решению.

Почему в таком случае режим Асада вообще принял участие в Женевских переговорах?

Правительство присутствовало лишь потому, что россияне недвусмысленно дали понять, что его появление необходимо. А сирийская оппозиция согласилась на это лишь за несколько часов до начала конференции – и соответственно не была готова. Среди ее представителей существовал глубокий раскол, многие, похоже, получили распоряжения от своих спонсоров не идти на переговоры или, по крайней мере, на уступки. Они ошибочно считали, что двигаются к победе.

Можно ли сказать, что переговоры в Женеве были попросту плохо проведены или же у вас сложилось впечатление, что ваши усилия систематически подрывались?

Но ведь результат один и тот же: действующие силы в Сирии и эмиграции не договорились о сотрудничестве и не сделали этого до сих пор. Я давно говорил, что готовность к политическому решению снижается по мере приближенности участников переговоров к военным действиям. На внешнем векторе шансы намного лучше.

Кого вы имеете в виду?

Международное сообщество, особенно Россию и США. Поэтому я настаивал на том, чтобы усадить обе сверхдержавы за один стол. В течение нескольких месяцев это работало, однако затем они пошли на поводу у своих союзников: сирийского и иранского правительства, с одной стороны, и арабских региональных сил влияния, а также сирийской оппозиции – с другой. И все же важные сигналы в направлении политического решения поступают из России и США. Надеюсь, что во время встречи министров иностранных дел Джона Керри и Сергея Лаврова удастся достичь чего-то более конкретного, чем то, что мы имеем сейчас.

Сирийский режим несравним с режимами в Египте или Тунисе, то

В интервью каналу «Аль-Джазира» вы сказали, что россияне наиболее реалистично оценивают конфликт в Сирии.

есть он не пойдет на уступки после нескольких недель протестов.

Россияне с самого начала дали понять, что сирийский режим несравним с режимами в Египте или Тунисе, то есть он не пойдет на уступки после нескольких недель протестов. Они оказались правы.

Россияне поддержали Асада.

И никогда не скрывали этого. Россияне знают Сирию так, как не знает ни одна другая внешняя сила. В том числе и потому, что после распада Советского Союза они остались в стране и сохранили связь с армией и спецслужбами. К тому же около 20 тысяч российских женщин вышли замуж за сирийцев, многие из которых – инженеры, которые когда-то учились в России. И Россия в своей внешней политике прибегает к помощи традиционно хорошо подготовленных ориенталистов. Такие профессиональные знания, к сожалению, безуспешно ищут в американском Государственном департаменте, британском Форин-офисе или французском министерстве на набережной Орсе.

А прислушивается ли Владимир Путин к советам своих экспертов или же он скорее видит в Сирии возможность разговаривать с США на равных?

Я не являюсь очевидным инсайдером Кремля, но могу вам сказать: специальный посланник Путина по Ближнему Востоку...

...заместитель министра иностранных дел Михаил Богданов...

...говорит на арабском языке не хуже меня, а я девять лет был послом в Дамаске, а перед этим пять лет в Иерусалиме и четыре года в Каире. Советуется ли с ним Путин, не знаю, но другие подобные эксперты в такой должности в других западных странах мне неизвестны.

Предотвратило ли вмешательство России в военные действия осенью 2015 года падение Асада?

Да, у режима Асада не стало солдат. Но еще до этого он компенсировал их дефицит боевиками из Ирака и Ирана, а также ливанской «Хезболлы». Поэтому сомневаюсь, что тогда он был на пороге военного поражения.

Итак, по-вашему, сирийское правительство снова занимает достаточно прочное положение?

В этом я также сомневаюсь. Война стоила жизни 400 тысячам людей, половина населения была вынуждена спасаться бегством от военных действий. Тот, кто стоит у власти во время таких событий, не может вот так просто перейти к обычной повестке дня. После войны ответственность за управление страной не может возложить на себя тот же режим. Радикальные изменения неизбежны.

Не может ли у Москвы лопнуть терпение и не замышляет ли она дворцовый переворот против Асада?

Я не принимаю участия в таких умозрительных рассуждениях. Но я спрашивал своих российских друзей, останется ли тот же режим у власти после войны. И они также сказали: нет, определенно нет. В Сирии произойдут коренные изменения.

Какие именно?

Я все время слышу, что будет больше одной Сирии. Я так не считаю. Сирию невозможно расколоть, за исключением разве что курдов, которые могут вырвать для себя статус автономной области. Но какую пользу принесет, например, христианам или алавитам отдельное государство? Они рассеяны по всей Сирии. Что им делать: переселиться всем на побережье или уйти в горы?

Мы достигли переломной точки и стоим перед выбором: либо знакомая всем нам Сирия с фундаментальными изменениями наверху, либо раздробленная страна, как Сомали.

А какая существует альтернатива?

Мы достигли переломной точки и стоим перед выбором: либо знакомая всем нам Сирия с фундаментальными изменениями наверху, либо раздробленная страна, как Сомали. В настоящее время Сирия скорее оказалась перед угрозой сомалийского сценария. Но я все еще не теряю надежды на объединенную Сирию.

Вы были инициатором Таифского соглашения, покончившего с войной в Ливане в 1991 году, но закрепившего конфессионализм и власть полевых командиров. Годится ли та же модель для Сирии?

Во время пребывания в должности спецпосланника я постоянно слышал от своих сирийских друзей одно и то же: Таиф – это то, чего мы хотели бы в последнюю очередь! Такое сопротивление сирийцев конфессиональному строю ожидаемо. Но кто знает, за два года в Сирии многое может измениться.

Не стал ли конфессионализм в Сирии за прошедшее время реальностью и не является ли самым быстрым путем к окончанию войны новый строй, следующий религиозным линиям раздела?

Если бы Сирия изменилась именно таким образом, это разбило бы мне сердце как арабу, знающему страну в течение 60 лет. Но даже если отвлечься от этого, я не могу понять, как такой строй вообще сможет действовать ввиду демографического распределения. Сирийцы всегда гордились своей мозаичной структурой. Я отказываюсь представить себе Сирию в качестве мозаики в отрицательном ее смысле.

А разве стратегия, основывающаяся на разыгрывании карты конфессиональных противоречий, не является одной из главных причин того, почему война приняла такие уродливые очертания?

Нет, эти противоречия были использованы таким образом относительно поздно. Вначале на улицах Сирии появились молодые люди, скандирующие: «Мы хотим уважения!» О смене правительства тогда не было и речи. Но что даст философствование о причинах разразившейся войны? Важно добиться мирного порядка, который позволит сирийцам избавиться от всех этих полевых командиров.

Может ли политический ислам, который набрал ощутимый вес в Сирии, стать основой для прочного будущего?

Я надеялся на успех демократического эксперимента в Египте и на то, что политический ислам найдет свое место на политической карте. Но это не сработало. Возможно, в Тунисе выйдет лучше. Но восстановление халифата, как во времена Абу Бакра, Омара или Али… Мы ведь живем не в VII веке.

А что с приговоренным к смерти арабским национализмом?

Узкое понимание арабского единства, которого придерживались партия БААС или Египет времен Насера, было далеким от реальности, а потому обречено на неудачу. И все же арабский мир оказался бы в огромном выигрыше от расширения сотрудничества. Возьмите, например, Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – группу совершенно различных государств, не имеющих ни общей культуры, ни общего прошлого, и все же извлекающих огромную выгоду из сотрудничества. Мы, арабы, могли бы достичь чего-то подобного намного быстрее, если бы мы, наконец, устроили все как надо. При этом ведь все равно, как это будет называться: арабским национализмом или арабским прагматизмом.

Мы слишком часто успокаиваем себя мыслями, что все наши проблемы приходят извне. Но в одном случае это справедливо: за вторжение и оккупацию Ирака несут ответственность американцы и британцы.

А что мешает это сделать религии?

Мы слишком часто успокаиваем себя мыслями, что все наши проблемы приходят извне. Но в одном случае это справедливо: вторжение и оккупация Ирака, которые преподнесли эту страну соседнему Ирану практически на блюдечке с голубой каемочкой. Ответственность за это несут американцы и британцы – в первую очередь Джордж В. Буш, Дик Чейни и Тони Блэр. Они разрушили Ирак и дестабилизировали весь регион. Я бы даже рискнул сказать, что вторжение в Ирак было наиболее опустошительным по последствиям событием последних 30 лет в этом регионе. Оно создало большое количество проблем, которые мы не смогли решить и по сей день.

В июле общественности был представлен так называемый отчет Чилкота, в котором тщательно проанализированы причины вступления в войну в 2003 году Британии. В нем, среди прочего, ответственность за это решение возлагается и на ошибочные данные спецслужб.

Ошибочные данные спецслужб? Не смешите меня! Спецслужбы честно сделали свое дело и пришли к выводу о том, что у Ирака нет больше оружия массового поражения. Это не могли проигнорировать ни Дональд Рамсфельд, ни Чейни или Блэр – все они были в курсе. Вместо этого они попытались прибегнуть к манипуляции доказательствами. Возможно, кое-кого из руководства спецслужб вынудили докладывать о подозрительных моментах. Ведь зятья Саддама, руководившие его программой химического, биологического и ядерного оружия, после 1995 года со всей документацией об оставшихся тайных складах оружия бежали за границу – после этого иракцам пришлось поставить в этом вопросе все точки над «i». Таковы факты, а потому вторжение является не чем иным, как агрессией в чистом виде, к тому же скверно организованной! Естественно, высокопоставленные кадры БААС вынуждены были уйти, но к чему было распускать армию, этот становой хребет страны? И не забывайте, что при Саддаме членство в БААС было обязательным, если вы хотели работать хотя бы учителем. На меня все это произвело впечатление систематического и умышленного разрушения. И такие, как Блэр, после этого даже продолжили свою карьеру...

…с 2007 по 2015 год Блэр был Специальным посланником квартета по ближневосточному урегулированию палестино-израильского конфликта…

Создание этого квартета с самого начала было ошибкой, а попытка сохранить его при отсутствии каких-либо результатов или прогресса – глупой шуткой, к тому же с такой личностью во главе! Ну что же, в этом отношении Блэр, возможно, был как раз подходящей кандидатурой.

Ближний Восток находится в стадии регресса, в то время как все иные регионы в мире смотрят вперед. Припоминаю, каким сонным захолустьем был Сингапур при правлении британцев, а посмотрите, в каком состоянии он теперь.

Рискнете ли вы спрогнозировать развитие региона в последующие 20 лет?

Ближний Восток находится в стадии регресса, в то время как все иные регионы в мире смотрят вперед. Припоминаю, каким сонным захолустьем был Сингапур при правлении британцев, а посмотрите, в каком состоянии он теперь. Посмотрите на Южную Корею, Китай. Наше положение чрезвычайно мрачно и неприемлемо.

Что вас беспокоит больше всего?

Конфронтация между суннитами и шиитами. То, что Хомейни когда-то провозгласил исламской революцией, в действительности дало ход шиитской революции. В Ираке шииты ведут себя сегодня так, как будто они остаются преследуемым меньшинством, при этом они в большинстве и давно у власти. Я предостерегал шиитских вождей еще в 2004 году: если вы ничего не предпримете для того, чтобы удержать в узде конфессионализм, всех нас ожидает столетняя гражданская война, которая охватит весь регион.

Интервью подготовлено Даниэлем Герлахом и Робертом Чаттерджи и опубликовано здесь с разрешения журнала Zenith.

Лахдар Брахими

Алжир

Лахдар Брахими (Lakhdar Brahimi) - с 2012 по 2014 год был Специальным посланником ООН по Сирии после более чем 60 лет международной дипломатической службы. Брахими, после обретения независимости его родной страной Алжиром, в качестве представителя Фронта национального освобождения (ФНО), в частности, работал в Джакарте. Как руководитель переговоров от Лиги арабских государств в 1991 году добился заключения Таифского соглашения, покончившего с войной в Ливане, в 2001-м входил в число инициаторов Петерсбергской конференции по Афганистану. Кроме того, в качестве Специального посланника ООН в 1990-х годах работал на Гаити, в Южной Африке, Заире и Йемене, а в 2004-м и в Ираке. К тому же как специалист с юридическим образованием занимал должности посла, в частности, в Великобритании, а с 1991 по 1993 год был министром иностранных дел Алжира.